

The background is a vibrant, textured painting of a landscape. It features a river or stream that flows from the top left towards the bottom right. The water is depicted in various shades of blue and turquoise, with a visible brushstroke texture. The banks are covered in autumnal foliage, with trees and bushes in shades of yellow, orange, and red. The overall style is expressive and painterly.

Александр Талыга

*Когда
давали
ИМЕНА...*

Александр Галыга
Когда давали имена...

«Издательские решения»

Галыга А.

Когда давали имена... / А. Галыга — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906229-1

В сборник вошли стихи автора о вечном. Стихи — они как искры восторга, высекаемые сердцем поэта от увиденной его глазами красоты природы, красоты жизни, неповторимой красоты человеческой души. На обложке картина «У Красного Яра». А. Галыга.

ISBN 978-5-44-906229-1

© Галыга А.
© Издательские решения

Содержание

Подкатило лето всуе, незаметно	6
Как печальна картина сия	7
Песня	8
Предосенний туман робко тронул подножия сосен	9
Я нарисую птицу	10
Когда раскрывалась душа	11
Он так и умер в неизвестности	12
Песню жизни свою сам пою, создаю	13
Поэзия	14
Поэт в России...	15
Обозлясь на себя и со зла	17
Я стихи сослагал	18
Сыну	19
Мама	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Когда давали имена...

Александр Галыга

© Александр Галыга, 2018

ISBN 978-5-4490-6229-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Подкатило лето всеу, незаметно

Виктору Жданову

Подкатило лето
всеу, незаметно,
и слезою божьей тихо у ручья
вновь роса упала
сонная на скалы,
снова обогрета родина моя.

И не как попало,
медленно, помалу,
солнце сотворило чудо из чудес,
в зёрна хлорофилла
дивно обрядило
эти доли, скалы, небеса и лес.

И опять смущенье,
кто привёл в движенье,
кто создал, лелея, эти существа?
Разве от испуга
гибко и упруго
по сырому лугу клонится трава.

Остаётся спорным:
гордым иль покорным
в стороне российской пребывает лес,
и о нашем веке,
человечьем веке,
и о человеке, чуде из чудес.

Под седую старость
понимаешь малость,
что дано невечно чудо из чудес,
что и ты, прохожий,
лишь немного вхожий
в эти доли, скалы, небеса и лес.

И что счастье в жизни,
этак, лет за тысячи,
раз войдя в него, в то чудо из чудес,
помни: всё от бога,
не обидь другого,
эти доли, скалы, небеса и лес.

Как печальна картина сия

В. Т. Волошину

Как печальна картина сия,
как грустна и печальна, ей богу.
Сапоги, колеса колея,
этот дикий намёк на дорогу.

Я месил эту дикую грязь,
эту землю родную до боли,
до зари к ней по пояс склоняюсь
и к заре разгибаясь от поля.

И кому, не щадя моих сил,
будто надо действительно, чтобы
я, хребет надрывая, месил
эту грязь, эту землю до гроба.

кто, какой лицедей-ловелас,
за какую казённую льготу
ободрал меня тысячи раз
лишь за то, что я много работал.

Как печальна картина сия,
как грустна и печальна, ей богу.
Бог воздаст. А пока колея,
сапоги и намёк на дорогу.

Песня

Б.А.В.

Метель легла дороге вспять,
но трасса у развила
вильнула вправо и опять
метель перехитрила.

Рвут колёса дорогу со скоростью сто,
напряжённо неся своё бремя,
им увязывать выпало вместе зато
расстоянье, пространство и время.

Но слева ветру нипочём,
всё ищет жертву где-то,
и пляшут бесы под лучом
уже под ближним светом.

И опять по кривой в белоснежной огне
проплывает зелёная птица.
Сотни верст за спиной, только хочется мне
до рассвета домой воротиться.

И ветер правый, боковой,
слабеет у залива...
И снова трассу по кривой
мы рубим торопливо...

Не горюй, мы с мотором всегда заодно,
мы умеем нести своё бремя,
просто связывать, видно, не всем суждено
расстоянье, пространство и время.

Предосенний туман робко тронул подножия сосен

Предосенний туман робко тронул подножия сосен
Их сейчас усыпит пелена потускневшей зари,
и они поплывут, невесомые, медленно в осень.
Только ты не спеши, ты постой, ты ещё посмотри.

В этом мире мы все, все мы птицы немного, по-своему.
Ты прекрасна. Тебе высоко красоваться и петь.
Я бескрылый давно и болотом бреду беспокойно.
Мне идти и трубить, и уже никогда не взлететь.

За собой не позвать с высоты белорылую стаю.
И сейчас, созерцая, как сосны над миром плывут,
я клянусь перед миром, клянусь пред тобой, дорогая,
что взлечу лишь посмертно, к Олимпу, где боги живут.

Мне б ботфорты надеть и на рынке сидеть,
поторговывать,
да тесна в сорок обувь на вырост, как видно уже.
Несть свой крест, есть свой хлеб – что тут нового?
Разве что все мы птицы, по-своему, где-то в душе.

Я нарисую птицу

Елене

Я нарисую птицу,
не натюрморт – портрет.
Гордую, как орлицу,
быструю, как синицу,
птицу, которой нет.

Я нарисую птицу:
лебедя, журавля,
птицу, что с детства снится,
как в белосинем ситце
издалека Земля.

Певчую нарисую,
чтобы с холста и рам
песнь свою непростую
не налету, не всеу
пела мне по утрам.

Ну а когда парила
в два голубых крыла,
чтоб утончённой, милой
и превеликой силы
птица моя была.

Только, такое дело,
прямо из под пера,
выпорхнув, улетела
птица девочкой в белом...
снова пришла пора.

И не себе, отчасти,
тысячи лет, портрет
делаем в одночасье
той, что приносит счастье,
птицы, которой нет.

Когда раскрывалась душа

Когда раскрывалась душа,
как редко она раскрывалась,
и не наугад, не спеша,
вначале на самую малость,
и обожествляла собой
истоки и перворожденье...
И скалы, и моря прибой,
и даже что до сотворенья
собой окрыляла душа...
Как певчая из заточенья,
была она так хороша,
как таинство предошущенья
что скалы и злая волна,
что вечно седыми казались,
от тысячелетнего сна
пробудятся и пробуждались.
Обряд виртуозно верша
волшебным смычком Паганини,
одухотворяла душа
и храмы, и звёзды над ними.
А был он совсем не извне,
и гения ярче найти ли?
Жаль, скрипка играла не мне,
но музыкой музы гордились.

Он так и умер в неизвестности

Он так и умер в неизвестности.
Претила слава и ему.
Упрёки: в музыке нет светскости,
унёс непризнанным во тьму.

А музыка, рекой бедовою,
уйдя за стены, купола,
не светскою и не церковною,
она божественной была.

Она, как крестное знамение,
буравит лабиринты жил
и наполняет вдохновение
восторженным потоком сил.

Потомок, наслаждайся, мучайся,
иди за нею и пока
не сожалей о гордой участи —
она переживёт века.

Она уже всем миром узнана,
и принята, и прощена,
без импресарио, продюсерства,
как запоздавшая весна.

Она течёт и возвышается
из глубины, издалека...
Так виртуозно Бах общается
с тобой, мой друг, через века.

Песню жизни свою сам пою, создаю

Песню жизни свою сам пою, создаю.
И когда не хватает кому-то тепла,
всё, что в сердце имею своём, отдаю,
чтобы поле радело и песня была.

А взамен боль и горе людское беру,
мутным выплеском ночью на лист уроню.
Так рождаются строки кричать на миру,
удивляясь и радуясь новому дню.

По земле будут люди другие ходить,
будут песни другие сопутствовать им.
И на поле моём будут счастливо жить,
называя его беззаботно своим.

Поэзия

Волочусь за тобой, волочусь столько лет безутешно,
моя добрая-добрая, милая кляча моя.
Или я несчастливый, или попросту отроду грешный,
от того ли бреду за тобой неприкаянным я?

Ты спокойна, расчётлива, просто невозмутима.
Этот воз, не бунтуя и не пререкаясь, везёшь.
Не по воле богов, по ошибке проказника джина,
всё везёшь и везёшь, лишь ушами беззвучно прядёшь.

Неужели тебе незнакома весны лихорадка?
Неужели тебя не смутил соблазнитель – апрель?
И не стать ли тебе, о моя горевая лошадка,
вольнокрылым пегасом, парящим под гомон и трель?

И она прозревала и делом, почти что последним,
расправляла крыла, надлежащую выказав дрожь.
Говорила: ты прав, распрягай меня, слышишь, немедля,
а свой воз ты умеешь, ты сам без меня доведёшь.

И уже отряхнувшись от вечно мозолившей сбруи,
стороной, элегантно пройдя придорожный лужок,
задала стрекача, так что огненным веером струи,
струи искр разлетались, визжа, у неё из-под ног.

И стонала планета, и падало небо с испуга
на весенний, пьянящий свободой и потом навоз...
Я от связки устал, отпускаю последнего друга,
чтоб тянуть одному этот грешный, пожизненный воз.

Поэт в России...

Е.А.Евтушенко

Любовь, как коротка она.
Звездой ночью в утешенье
ей упадать. Обречена
поэтом на самосожженье.

И через муки маяты,
под жерлами версификаций,
он выливает, как цветы,
под натиск света куст акаций,

стихи. Сей выплеск – всплеск души,
в них отзвук – звук сердцебиенья.
Они постольку хороши,
поскольку преданы забвенью.

Когда поэтова душа
уже отделена от тела,
строфой и рифмою дыша,
к нам пробирается несмело,

и по задворкам, и задам
приходит, мучаясь, капризна,
на пир ехидствующих дам,
она на собственную тризну.

Она является как тень,
как призрак, еле уловима.
Она не вздыблет жизни день,
она не более, чем тень,
а ночь долга неумолимо.

Хотя и лёгок мысли бег,
под солнцем ей не прокормиться,
и потому свой долгий век
влачит поэзия в темнице.

Не потому ль взведён курок?
Нет, палачу поэт не пара,
ему всегда прописан срок,
десятка вместо гонорара.

Вознёсся Лермонтов, глупя,
за Пушкиным. Дуэль со всеми!

Кому пожертвовал себя
и Маяковский, и Есенин?

А Гумилёв, а Мандельштам,
а Хармс, а Кедрин? И кому же
их жизни помешали там,
где сам поэт давно не нужен?

Ахматова и Пастернак,
и Заболоцкий, и Жигулин,
сполна испив, лишь бог весть как
не угодившие под пули.

Ушли Цветаева, Рубцов,
Высоцкий и Тальков, я вижу
страну поэтов-мертвецов
и тишь задумчивую выше

чуть впереди твоей судьбы...
Зачем, Россия, с укоризной
тела их втиснуты в гробы,
и наспех спета злая тризна?

Постскриптум лживит, спасу нет.
Помин. Похмел. Народ умаслен.
Кому? И почему поэт
в моём отечестве опасен?

Кого смывал девятый вал
его порывов, откровений,
и кто нам в головы вбивал,
что враг народа дивный гений?

Закрыты на лета, навек,
живые кладези. Похоже,
поэт в России – не поэт,
заложник выстраданной ноши.

И до поры лишь не убит
отцами гор и нищим бытом,
– ещё быть пишет, быть влачит,
пока ещё не знаменитый...

Пророки все умерщвлены,
покуда денщики у власти.
Не от того ли все напасти
и бездны у моей страны?

Обозлясь на себя и со зла

Обозлясь на себя и со зла,
одурев от досады и злобы,
я разбил все свои зеркала
на осколки колючие, чтобы
их уже никогда не сложить,
ну а если и сложишь, не склеить,
если сердцу уже не ожить,
если попросту не во что верить.
Зеркала. О мои зеркала!
Вы привыкли, дурача, к изменам.
Вы само отражение зла,
и поэтому ртутью по стенам
растеклись. Видно, время пришло,
но я слышал в их трепете, боже:
Научись не разбрасывать зло,
если доброе сеять не можешь.
Никому не желаю со зла
не собрать – разбросать, не слукавить,
и кривые свои зеркала
по осколкам укладывать в память.

Я стихи сослагал

Я стихи сослагал,
но они никому не нужны,
разве что лишь тебе,
о бездомный, не спящий в ночи.
И тогда я решил:
запечатаю вещие сны
в разноцветные кирпичи.
И построю из них
много, много домов и печей.
И меня поминать
будут многое множество лет.
Будут счастливы люди
в домах из моих кирпичей,
в кои душу вложил поэт.

Сыну

Ты вновь приснился маленьким во сне,
за шею обхватив, как только мог,
прижавшись детской щёчкою ко мне,
к моей щеке. Прости меня сынок,

что не всегда на помощь в трудный час,
и мог узнать, и сразу поспешить,
что судьбы рано разлучили нас
и так и не смогли соединить.

И то, что боль отцовская была
всегда душевной раной со мной,
что не хватало моего тепла,
моей осталось болью и виной.

Прости, что вспоминаю без конца
и часто прихожу во сне к тебе,
но всё же ты, не забывай отца,
не всё решаем мы в своей судьбе.

Прости за то, что дать тебе не смог.
Будь к людям добр, старайся жить в чести.
Прости за всё, что знает только бог,
лишь ты и я. Прости, сынок, прости.

Мама

Годы пролетают быстрой птицей.
Оглянуться некогда подчас...
Лишь она мне видится и снится

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.